

84/2602/16
H39

НЕДО
НОГ У

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	

23к3

84(2РосРв)6Р2

Н39

НЕБО У НОГ

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»

Литературно-краеведческий центр

Фонд редких изданий

г. Тюмень, ул. Пересмaysкая, 14

«МК» СПИСАНО

ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

а/42 - 107928/1 -

1964
88
2

Российская Федерация
Тюменская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883

625001, г. Тюмень, ул. Дуваচারского, д. 51/3

Фонд редких изданий

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Станислав СЕРИКОВ

З В Е З Д Ы

Очень искренне, очень просто,
Не задумываясь порой,
Мы девчонкам дарили звезды —
Те, что в небе над головой.

Объяснялись в любви стихами,
Придавали значение снам.
А девчонки в ответ вздыхали
И не очень-то верили нам.

И теперь у калиток ребята
Под сиреневым небом ночным
Дарят звезды, как мы когда-то,
Ненаглядным подругам своим.

Им, конечно, особая вера —
Ничего не напишешь тут,
Потому что в другую эру
Эти славные парни живут.

Им, не хвастая перед невестами,
Межпланетные трассы торить
И не звездами, а созвездиями
Всех людей на земле одарить.

ДОРОГА

Легла — упругая, как жгут,
И в серых клубках пыли
В березовую даль бегут
По ней автомобили.

Скрипят и стонут кузова
С утра до поздней ночи.
Бензином жухлая трава
Пропахла у обочин.

Грузовики провозят тес,
Цемент, зерно, известку...
Дорога сотнями колес
Шлифуется до лоска.

И, находясь всегда в строю,
Она берет машины
На неустанную свою
Мозолистую спину.

Лишь перед новою зарей
Ей отдых от работы, —
И вся она блестит росой,
Как капельками пота.

Иван ИСТОМИН

ТВОРЧЕСТВО

Был охотник счастья полон:
Бивень мамонта нашел он.
Как находке не дивиться —
Редкий случай на веку!

У костра меж нами сидя,
Так решил: из кости выйдет,
Может быть, пороховница
Или ножны к тесаку.

Мы ему сказали: — Сделай
Нам на этой кости белой
Тундры вольные просторы.
...И задумался старик...

А когда погасли звезды,
Видим, он искусно создал
Образ Ленина, который
В душу каждого проник.

ПАСТУХ

В небе звезды бродят без дороги,
Там пасет их месяц косорогий.
Звезды — там, олени — на снегу,
Их я очень зорко стерегу.

Рыба любит воду, птица — небо,
Мил оленю свежий мох, а мне бы
Больше ясных дней, да зорче глаз,
Да придти к стадам еще не раз!

Михаил ЛЕЦКИН

Если трезво смотреть на вещи,
То и неба-то вовсе нет.
Но когда в тебе радость плещет
И тебе восемнадцать лет, —

Очень верится в светлое небо,
По которому плыть бы да плыть...
Очень верится в то, чего не было,
Но должно обязательно быть.

ФИДЕЛЬ

Фидель — он похож на камень,
Когда говорит с врагами.

Фидель — он похож на солнце,
Когда с друзьями смеется.

А больше всего, конечно,
Похож он на сердце людское:
Ведь сердце, пока оно живо,
Ни секунды не знает покоя.

Мы по земле
и ездили и топали,
Мы и едим
и пьем ее дары.

Мы на земле
зеленопennым тополем,
как тучей,
укрывались от жары.
Ее мы рыли, будучи солдатами,
кострами согревали,
брали в путь.
О, мать-земля!
Мы, соколы крылатые,
не разрешим,
чтобы в руках с гранатами
чужой солдат
ступал
тебе на грудь.

РЯДОВОЙ

Человек, преследуемый жаждой,
обоженный духотою дня,
поступил,

как поступил бы каждый:
— Я пойду,
полфляги у меня...

Человеку пробираться тяжело,
от него,

владельца двух гранат,
ожидал единственное —
фляжку
кровью истекающий солдат.

Даже солнце
белое, как кипень,

не желало смерти и беды
человеку, что шептал:

— Ну выпей,

Колька,
выпей хоть глоток воды.

Выругайся, что ли,
будет легче.

Слышишь, Колька,
умереть не дам!

- 107928-11

И, взвалив товарища на плечи,
он пополз

бессмертию

навстречу

По стерне,

окопам

и цветам.

14981

ПОДСНЕЖНИКИ ЦВЕТУТ

Где днем и ночью

 всех калибров пушки
на все живое наводили страх,
я повстречал тюменскую девчужку
в шинели

 и солдатских сапогах.

Под небом, разукрашенном гуашью,
она,

 присев на пень у костерка,
чуть-чуть смущаясь, уплетала кашу
из закопченной крышки котелка.

Солдат

 всегда смекалист и находчив.

Я козырнул —

 я отдаю ей честь.

Помешкал малость,

 заглянул ей в очи,

сказал:

— Позвольте рядышком присесть!

Она короткой передышке рада.

А через час,

 плечом к плечу со мной
сквозь гулкие раскаты канонады
идет

 в смертельный рукопашный бой.

Она идет
 через поля и топи.
Солдата путь
 к большой победе крут,
но в каждом
 нами занятом окопе
войне назло
 подснежники цветут.

ЛЕСОРУБ

Я снег люблю
и я по снегу-сахару
ходил в поля,
ветрам подставив лоб,
с крутой горы,
от восхищенья ахая,
пикировал
вниз головой
в сугроб.
Да, это было.
Все это из прошлого.
Но вот я вновь,
от инея седой,
иду с рассветом
снежную порошею
в руках с певучей,
как струна, пилой.
Передо мной
тайга, сутулясь, пятится,
со мною ветер,
как и прежде, груб.
Но где,
перед какую неурядицей
сдавал
в тайгу влюбленный лесоруб?
Знать потому,

из чащи тросов вытеснив,
извечно непокорная тайга
под ноги мне,
как сказочному витязю,
рассыпала скрипучие снега.

Пускай

за ворот —

снега хлопья пухлые,

в лицо —

звонящий ветер,

как хрусталь.

Сосна,

что предо мною

навзничь рухнула

надежной шпалой

ляжет в магистраль.

ГУСИ

Косяк гусей, летя под тучами,
На юг, где редко вьюжит снег,
В моем краю, воспетом Тютчевым,
Остановился на ночлег.

Пройдя над домиками веером,
Пернатые с большим трудом
Облюбовали поле клевера
Под временный аэродром.

И вот они, розоволапые,
С опаской напрягая слух,
Любуются, как дождик капает
Из уходящих туч на юг.

Вдруг ветерок легко и кротко
Заплакал в лозах ивняка,
И задушевной песни нотка
Насторожила вожака.

Он крылья развернул могучие
И, совершив прощальный круг,
Повел косяк гусей за тучами,
За реки и моря, на юг.

Они, летя над полем клевера,
Вдруг увидали под собой:
Туманы, словно вьюги Севера.
Закутывали шар земной.

Косяк гусей нес в лапках розовых
На юг, штурмуя высоту,
Моих озер и рощ березовых
Немеркнущую красоту.

ЭКСКАВАТОРЩИК

Здесь ссорились цари и ханы,
Мечом решая древний спор,
Здесь даже, кажется, курганы
Не помирились до сих пор.

Но экскаваторщик сегодня
В местах, где этот спор вели,
Вдруг зачерпнул стальной ладонью
И поднял первый куб земли.

И он глядел — само бессмертье —
Глаза прищуривал слегка,
Как падали тысячелетья
И разбивались на века.

И постигая мудрость буден,
Он строго — как никто другой —
Что было, есть, и все, что будет,
Своею взвешивал рукой.

ЗЕРНО

Срывает лист с календаря
Сырой осенний день.
Угасла бледная заря
За далью деревень.

Пускай ненастной ночи тень
Закрыла все собой,
Но ведь не зря минувший день
Мы прожили с тобой.

Вчера отборное зерно
Свезли мы в закрома,
Сверкает золотом оно,
Звенит в нем жизнь сама.

Оно достанет из земли
И уголь и руду,
Зажжет в космической пыли
Советскую звезду.

Украсит жизнь и отстоит
Мир на земле оно...
Какую мощь в себе таит
Пшеничное зерно!

ХЛЕБОРОБ

Я простой деревенский парень
Знаю, как по весне земля,
Согреваясь, дымится паром,
Хлеборобов сердца веселя.

Заросла б она горькой полынью,
Стала грубым ненужным дерном,
Если б рано весной, по теплыни,
Я ее не засеял зерном.

Я работал, забыв о прогулке,
Труд вернулся достатком в мой дом...
Пахнут солнечным августом булки
За обеденным зимним столом.

РОССИЯ

Когда в немыслимую стужу
Погибла мать моя,

когда

Мою мальчишескую душу
Заледенили холода,
Мне на плечо рука России,
Как материнская, легла.

Россия мне и ум, и силу,
И кровь, и сытный хлеб дала.
Она в глаза мне посмотрела
Так по-весеннему светло,
Что сразу душу мне согрело
Ее сердечное тепло.
А вот когда вступил я в юность,
Она, Россия, для меня
Вдруг девушкою обернулась
С глазами, полными огня.
И сердце, словно солнце мая,
Она зажгла в моей груди,
Ей руку белую сжимая,
Я видел счастье впереди.
В дни радостные и лихие
Женой и другом мне была.
И как подарок от России,
Она мне дочку родила.
Вот дочь в глаза мои заглянет,
Начнет язык мой понимать...
Пусть, как Россия, доброй станет,
И очень ласковой, как мать.
И пусть еще такое будет:
Две крови в ней в одной живут,
Пускай ее мансийкой люди
И россиянку зовут!

* * *

В морозном небе звезды хохлятся,
Лучами зябкими звеня.
А ей, березоньке, не холодно —
Пригрелась в сердце у меня.
Теплей и сердцу с русским деревцем,
Не страшно встретиться с пургой,
Куда оно, пустое, денется
Без этой ноши дорогой?
Снега лежат.
А сердцу хочется
Заслышать легкие шаги.
В морозном небе звезды хохлятся..
Как ночи зимние долги!
Хочу, чтоб звезды мне напомнили
Сиянье глаз березки той,
Чтоб были сны мои наполнены
Ее лебяжьей теплотой!
Пугай, зима, — гляди волчицею,
Бураном вой, гуди в трубе,
Я сберегу березку чистую,
Я не отдам ее тебе!

САКСОНСКОЙ ДЕВУШКЕ

Загляделся я в очи синие:
Как у наших они Анют.
Ты ведь Родину не покинешь,
Я ведь Родину не сменю.

Мы не строили в невесомости
Счастья нашего терема.
Знаю, ищет тебя саксонец,
Чтоб сходить по тебе с ума.

Но сейчас эти очи-синька
Так глубоки, что я боюсь..
Разреши зачерпну слезинку —
Увезу на родную Русь.

Контрабандой? О нет, умолкнут
Пограничники у столбов:
Мне немецкая комсомолка
Подарила свою любовь.

О С Е Н Ь

Не люблю весенней парадности:
И льды идут, как железо,
И все хмелеет от радости
И целоваться лезет.

Хоть бодро горланю со всеми я,
Но вижу кругом нелепость:
Творятся дела весенние
Спросонья как-то, сослепу.

А мне милее — проселками
Осень идет веселая,
Нарядная, но не шумная,
Веселая — не бездумная.

Люблю чистоту небесную,
Земную люблю загорелость
И осени скромность невестину,
Ее налитую зрелость.

Она с тончайшими чувствами,
С задумчивостью такою...
И сеет она без усталости,
О будущем беспокоясь.

ЛЮБОПЫТСТВО

Звоном и хрустом
Природа цвела.
Мама в капусте
Меня нашла.

Весело у тропки
Орали петухи.
Шлепали по попке
Меня лопухи.

Ветер с поклонцем
Целовал в уста.
Брызнуло солнце —
Конопатым стал.

Вон цветик желтый —
Ну просто — ах!
Я встал и пошел
На кривых ногах.

А почему у чалки
Черная челка?
А почему жалко
Не в ротике у пчелки?

И с какого толку
Лопнул стручок?
И зачем за телочкой
Ходит бычок?

А мама пальцем:
Бо-бо, нельзя!
Куда ты пялишь,
Пострел, глаза!

А мир — в прищуре.
Спешу напиться
Его с кощунственным
Любопытством.

Андрей ТАРХАНОВ

ВЕЧЕРНЯЯ ВОЛНА

Уснули селезни за луговиною,
Но лишь не спит вечерняя волна,
Несет она мне песню лебединую,
О дальнем крае говорит она.

От мороза в инее
Брови соболиные
И ресницы длинные
Над глазами синими.

Ты стоишь усталая
И неторопливая,
Вся, как жизнь, красивая,
Голубика, талая.

ВЕСЕННИЕ КОСТРЫ

За рекой сегодня жгут покосы,
За рекой весенние костры,
И белеют горностаем косы
У черемухи — моей сестры.
В этот праздник жизни
Разве можно
Жить без песен и без новизны,
Если в небо алое заброшен
Золотой пожар моей весны?
Отпылает завтра в день погожий
Это пламя,
 чтобы новь цвела.
Я хочу, чтоб жизнь моя похожа
На костры весенние была.

Станислав НАЗАРОВ

ВТОРОЕ ЦВЕТЕНИЕ

Белых мух непрошенная стая
Подлетела к городу тишком—
С полпути владычица седая
О себе напомнила снежком.

Утром обжигающим, осенним
Смотрят люди — слова не найдут:
Будто зацвела вторым цветеньем
Невеличка-яблонька в саду.

Чья рука накинула на ветки
Выпускницы праздничный наряд?
— Ну, талант у живописца —
редкий! —

Про природу люди говорят.

Видно — кисть работала здесь ловко,
Нанося узор на полотно.
Только жаль, что место в Третьяковке
Полотну занять не суждено.

В МЕДВЕЖЬЕМ БОРУ

В лес непуганных птиц, в музыкальность
медвежьего бора,
Где восход золотым и листву и хвою
окропил,
Ворвались разудалые, буйные песни
мотора,

И взлетел подголосками хор
электрических пил.
Сосны падали навзничь под грохот
железа и меди.
И мелодия битвы пугала разбуженный
лес,
И пришли ее слушать любители песен —
медведи,
А один так увлекся, что к нам на
делянку залез...
Но пила—не ружье, порох нам не
заменят опилки.
Как бы вдруг «меценат» из хористов
не сделал рагу...
Но медведь потоптался, поскреб
виновато в затылке,
Одобрительно крякнул, качнул головой
и — в тайгу!
Ох, и много тревог пережить косолапому
мышке!
Догонять эта песня в тайге его будет
не раз,
Он увидит еще нефтяные ребристые
вышки,
Он услышит, как двинется в трубы
запаянный газ,
Он увидит — болото разрежут дороги,
И по рельсам звенящим в тайгу поезда
заспешат...

Не найти неуклюжему больше спокойной
берлоги

И, пожалуй, пора на восток уводить
медвежат.

А В К А

Будто семицветные искринки,
Звездчатые кружатся снежинки,
Умный Авка мчится лунной ночью,
Трудится: везет в селенье почту.
Малица моя от снежных блесток, —
Словно неба синий звездный лоскут.
Прямо с нарт гляжу я в поднебесье.
Из груди, ручьем весенним — песня!
Самолет во мгле голубоватой
Пролетает нартою крылатой,
И с холма мигают над лесами
Огоньки веселыми глазами.
Ветер капюшон мой раздувает,
В инее кисы, как горностаи,
Дуй, крепчай, мой ветер быстроногий, —
Не свернешь меня с прямой дороги!
Как песок, олень заиндевелый
Мчит без устали равниной белой...
Пахнет дымом, очагом знакомым...
— Авка, Авка, вот мы, друг, и дома!

Николай КАСЬЯНОВ

ВРЕМЯ

На время жаден я —
Все не хватает дня.
Он кажется до боли мне короток,
Я час ловлю,
 как за узду коня:

— Остановись! Не кончена работа.
Но время движется вперед
шагами стрелок.
И солнце рвет поводья,
мчась на запад.
Я мучаюсь и злюсь,
как мало сделал,
Как много остается вновь на завтра.
А завтра будет для меня короче —
Года не к лету, к осени поплыли.
Крепись, бодрись,
но хочешь, иль не хочешь,
Они виски уже посеребрили.
Но все равно
я встану рано завтра
И много сделаю
до наступленья дня.
И солнце, уходящее на запад,
Я за узду поймаю, как коня!

В огромных лужах расплескалось небо,
Стоят в воде продрогшие кусты.
Уже асфальт очистился от снега,
И тротуары празднично чисты.

Сосульки держатся пока что крепко.
Но люди верят в теплые деньки —
На улице мелькают шляпы, кепки,
И словно ветер сдул воротники.

Иван ЮГАНПЕЛИК

В ОБСКОЙ ГУБЕ

За свет большой своей судьбы
Мы голос отдаем!
Стоит на льду Обской губы
Наш полотняный дом.

У входа — рыбы вороха —
Богатым будь колхоз!
И наша сеть лежит суха —
Сушил ее мороз.

Недаром урна полчаса
Стояла на столе:
Услышат наши голоса
Там, на Большой земле!

И вот уносится в рассвет
Над нартой красный флаг,
И долго-долго смотрит вслед
Товарищ мой, рыбак.

На льду полозьев полоса
Отчетливо видна...
Простые наши голоса
Услышит вся страна!

НОВОЕ КИНО ПОСМОТРИМ

Целый день ходили по льду —
Проверяли сети молча,
Возле прорубей немало
Крупной рыбы набросали.

Проверяли сети молча,
Много их — конца не видно,
А другую половину
Завтра, стало быть, проверим.

Есть на льду у нас палатка:
Ходит жар в железной печке,
И на жердочке, как птица,
Репродуктор песню тянет.

А сегодня к нам приехал
С берега киномеханик:
Как работу мы окончим —
Новое кино посмотрим.

Николай МЕРЕЖНИКОВ

ДАЛЬНЯЯ РОДНЯ

В старом вагнике,
С котомкой тошей
Да с ведром картошки про запас,
Попрощавшись с порыжелой рощей,

Я пошел учиться в пятый класс,
В пятый класс. За десять
километров.

Все ж не сладко, что там ни скажи,
Не в избенке, матерью согретой, —
На квартире родственников жить.
А родня... Она, по всем приметам,
Лучше довоенного жила.
Белый хлеб, и масло, и котлеты
Не сходили в будни со стола.
Как же так? — терялся я в
сомненьях, —

Люди в хлеб мешают лебеду,
Варят часто травы и коренья...
Кто ж отвел от родичей беду?
Помню вечер.

Тлел в окошке алый,
Синью размываемый лоскуг.
В дом поспешно женщина вбежала
И с порога:

— Власьевна!

— Я тут.

Из-за печи выплыла старушка,
Дряблая и липкая, как моль,

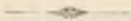
— Власьевна, мне спирту.

Хоть чекушку.

Муж вернулся!

Муж пришел домой.

— Что ты, Маша? Нету..
И откуда?
— Я — не даром.
Нате вот жакет.
Надевала в девках..
— Дай посуду..
Так и быть. Хоть лишнего и нет..
Навсегда запомнилось мне это
И сейчас стоит еще в глазах,
Как ушла соседка без жакета,
С четвертинкой маленькой в руках.
Я ушел с обветренною кожей,
С тысячами трудностей на дню
В добрый мир счастливо непохожих
На мою неблизкую родню.

В ДОМЕ ПРИЕЗЖИХ

Вот закат отпраздновал.
Ночь. Тепло. Уют.
Люди спят по-разному,
Так же, как живут.

Снится беспокойное
Парню с целины —
Сосны прямоствольные!
Здорово нужны!

Люди... понимаете?
Дайте пять машин..
Он умолк. И маятник
Снова зашепел.

— Мало аргументов вам?
Двадцать пять семей!
И в шатрах... в брезентовых..
Дело-то к зиме.

Он по смятой простыни
Грохнул кулаком:
— Либо лес подбросьте мне,
Либо я... в обком.

А сосед причмокивал.
Сочно. Звучно. Всласть.
Будто рядом, около,
Патока лилась.

Будто чину важному
Появиться туг...
Люди спят по-разному,
Так же, как живуг.

ОТЕЦ И СЫН

— Цыц, щенок! —

Схватил мальчика за ворот.

— На отца?

Гляди, такой-сякой!

Или ты давно уже не порот?

Так ремень-то вот он,
под рукой.

А ему не боязно, парнишке.

Он готов хоть в воду, хоть в огонь —

Потонуть, погаснуть после

вспышки...

— Бей меня, а маму, слышь, не
тронь.

А она, как раненая птица,

Закрывает крыльями птенца.

— Толя, Толя! Лучше отступить.

Я стерплю... Послушайся отца.

Но мальчишка выдохнул с запалом:

— Хватит нам терпеть... из-за куска.

Сами заработаем...

Разжалась

Жесткая, чугунная рука.

Отрезвев,

Как будто бы впервые,

Посмотрел на сына и застыл:

Чьи у парня эти волевые
Умные и строгие черты?
В эту ночь, не тронув одеяла,
Будет он перебирать года,
Где, когда и как порастерял он
То, что нынче в сыне увидал?

УСТАЛОСТЬ

Присел на крылечко — разуть
сапоги.

Присел и сразу уснул.

Сжимала рука и во сне рычаги.

Захлестывал уши гул.

Натужно и глухо лязгали траки.

И рвался в бункер поток.

Он спал.

И склевывали цыплята

Пшеницу с его сапог.

ТИШЕ ТЫ, ПУР-РЕКА!

Тише ты, Пур-река,
Скрученная, как трос!
Белые, как снега,
Пряди твоих волос.

Выше сопки твоя
Бешеная волна,
Ярче стали твоя
Пасмурная волна!

Бьют по седой воде
Весла, как два крыла,
Лодка — долбленный кедр —
Быстрая, как стрела.

То, как гагара, вниз
В черную глубь нырнет,
То через три волны
Сразу перемахнет.

Тише ты, Пур-река!
Брови свои не хмурь!
Выбей из головы
Ярость свою и дурь.

Песню весел моих
Голосом подхвати,
Лодку — долбленный кедр —
На плечи подхвати!

Чтобы за лодкой моей
Ястребу не поспеть!
Ну-ка, давай, река,
В лад нашу песню петь!

Я сочиню, а ты
Тонко ее шлифуй,
Я сочиню, а ты
Долго ее тяни,
Чтобы была слышна
На берегах она.

ГОРОДОК

Пятилетний,
трехэтажный
новенький,
Выросший в таежном уголке.
Что-то очень близкое к диковинке
Мне открылось в этом городке.

ЭСТАКАДА

От зари до зари к эстакаде
Трактористы трелюют лес.
Эстакада, как в парке эстрада,
На которой гремит оркестр.

Словно в бубен, на гулком морозе
Бьют с разлету бревна в простор.
И погрузочный кран виртуозен,
Как прославленный дирижер.

Лесорубы, друзья-лесорубы,
Не скажу про вас: не грубы.
Но улыбки, как снег, белозубы
И, как смоль, из-под шапок чубы.

Сколько музыки, сколько лада
За собой вы несете в лес.
Эстакада, как в парке эстрада,
На которой гремит оркестр.

КАК НИ ГОРЬКИ РАССТАВАНЬЯ...

Четыре дня, дробясь в осколки
Шел по Оби тяжелый лед.
А нынче в северном поселке
Встречают первый пароход.

Вот троекратно прозвучали
Традиционные гудки,
Вот, словно птицы над причалом
Взметнулись кепки и платки.

Стал день по-праздничному светел,
Его поселок ждал давно.
И пусть я никого не встретил, —
Я рад со всеми заодно.

Мне с каждым хочется обняться,
И почему, не знаю сам,
Но я завидую, признаться,
Чужим улыбкам и слезам.

Как ни горьки нам расставанья,
Но можно смело пренебречь
Оседлостью существованья,
Чтоб испытать волненье встреч.

* * *

Деревьям ветер перед листопадом
Заламывал вершины набекрень.
Но тепел был он,
и по палисадам
На удивленье зацвела сирень.

А ведь стояло близко бабье лето,
И подходили сроки холодов.
— Нас посещает в жизни раз
любовь, —
Ты говоришь, а я не верю в это.

В ЛАЙНЕРЕ

Облака — воздушные торосы —
К горизонту жмутся табуном.
Как в немом кино, бушуют грозы
Под широким лайнерским крылом.

На борту не зыбко и не тряско.
А вначале тянешься к окну
И глядишь в просветы туч с опаской,
Будто отбываешь на Луну.

И уже следить неинтересно
За двойной стремительностью дня.
Между кресел ходит стюардесса,
Как в кафе, посудую звеня.

Девушка из племени курносых,
Русых кос на голове венки,
Раздает с пластмассовых подносов
Бутерброды и фруктовый сок.

Что мне в ней?

Всего лишь — оглянулась.

Да еще загадка — не пойму,
То ли всем, летящим, улыбнулась,
То ли мне, из сотни одному.

По-земному тяготею к косам,
Вновь ловлю ее улыбку, взгляд.
Без вниманья молнии и грозы
Под крылом у лайнера шалят.

ЛИВЕНЬ

Неудержимо, словно коршун,
Свалился ветер с высоты.
Речную гладь внезапно сморщил,
Пригнул прибрежные кусты.

Упруго закачались кедры,
Вздохнули сосны за бугром.
И, совершив разведку ветром,
Как взрыв, тревожно лопнул гром.

А туча — глыбой темно-синей,
Неотвратима и грузна.
И на мгновенье перед ливнем
Установилась тишина.

Еще уверенный можорный
Предупредительный раскат —
И ливень, как горох отборный,
Зарокотал по крышам хат.

Пыль на дороге заметалась,
Но по обочинам слегла.
Земля от грома сотрясалась
И влагу с жадностью пила.

Затем, спадая понемногу,
Запас теряя сил своих,
Дождь пробежал через дорогу,
За грядки прыгнул и затих.

Пробило солнце тучи грудью,
Сияя, как от счастья мать.
Земля тревожилась. Но будет
Опять такого грома ждать.

А П Р Е Л Ь

Зима копила пыль и копоть
И на задворках по углам,
Подняв горбатые сугробы,
Скрывала всякий лом и хлам.

Она не мыла, не стирала,
А только для отвода глаз
В дни снегопадов застилала
Стерильным снегом грязный наст.

Тянулись длинные недели,
Метель кружилась над землей,
Пока апрель под звон капли
В упор не встретился с зимой.

Лучистой солнечною властью
Ручьи спуская под мосты,
Он рвет пласты снегов на части,
Как изветшавшие бинты.

Бунтуя, к руслам речек мусор
Спешат потоки унести.
Апрель — сторонник наших вкусов,
Не терпит грязи на пути.

* * *

Родина — полет и вдохновенье,
На земле и в небе новый след.
Годы, как могучие ступени,
В Космос отбывающих ракет.

Так растем — рукой подать до Марса,
Дни труда, как солнце, горячи.
Коммунизм, оконтуренный Марксом,
Близок, до деталей различим.

К одному направлен ход событий,
Время мчится, одному внемля:
На коммунистической орбите
Непременно будет вся земля.

Как сейчас порадовался б Ленин,
Если посмотрел на нашу жизнь!
Годы, как ракетные ступени,
Родину выводят в коммунизм.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С. СЕРИКОВ. Звезды. В горах. До- рога. Чтобы увидеть твою улыбку... . . .	3
И. ИСТОМИН. Творчество. Пастух. <i>Пе- ревод с ненецкого И. Измайловского</i> . . .	8
М. ЛЕЦКИН. Если трезво смотреть на вещи.. Фидель.	11
П. АМЕЛИН. Мы по земле... Рядовой. Подснежники цветут. Лесоруб. Гуси. . . .	14
В. ЗАКОНОВ. Экскаваторщик.	24
Ф. НЕЧАЕВ. Зерно. Хлебобоб.	26
Ю. ШЕСТАЛОВ. Россия. <i>Перевод с мансийского В. Старшинова. В мороз- ном небе звезды хохлятся... Перевод с ман- сийского Д. Сухарева.</i>	29
В. ФАЛЕЙ. Саксонской девушке. Осень. Любопытство.	32
А. ТАРХАНОВ. Вечерняя волна. От мо- роза в инее... Весенние костры.	37
С. НАЗАРОВ. Второе цветение	41
М. ШУЛЬГИН. В медвежьем бору. <i>Пере- вод с хантыйского А. Радыгина. Авка. Перевод с хантыйского И. Григорьева.</i> . . .	43

Н. КАСЬЯНОВ. Время. В огромных лужах расплескалось небо.	47
И. ЮГАНПЕЛИК. В Обской губе. Но- вое кино посмотрим. <i>Перевод с ненецко- го И. Фонякова</i>	50
Н. МЕРЕЖНИКОВ. Дальняя родня. В доме приезжих. Отец и сын. Усталость.	53
Л. ЛАПЦУЙ. Тише ты, Пур-река. <i>Пе- ревод с ненецкого Н. Грудиной.</i>	61
Ф. ЧУРСИН. Городок. Эстакада. Как ни горьки расставанья... Деревьям ветер перед листопадом... В лайнере. Ливень. Апрель. Родина — полет и вдохновенье...	64

НЕБО У НОГ

* Редактор Ф. А. Чурсин.
 Художник Е. К. Кобелев.
 Техн. редактор Л. Т. Овечкин.
 Корректор Ю. А. Набокова.

Подписано в печать 23/V-62 г.
 Формат бум. 60x84¹/₃₂. 2,2 печ. листа.
 2 уч.-изд. листа. Тираж 3000 экз.
 РД 01077. Заказ № 2992.

Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11.

НОВАЯ ЦЕНА

• 2 руб — коп

